

А. Б. Панченко

Этноисторические и геополитические положения классического евразийства

В условиях краха политики мультикультурализма в Европе все острее встает вопрос межэтнического взаимодействия в многонациональном государстве. В связи с этим участились попытки создания некоей национальной идеи в России, учитывающей опыт многовекового сосуществования разных этносов.

Одну из самых оригинальных теорий предложило евразийство – одно из течений русской эмиграции 1920-х – 1930-х годов, которое привлекает все больше исследователей. Многие евразийские концепты используются в современном политическом дискурсе без должного анализа. Это объясняется тем, что этноисторические и геополитические положения евразийства рассеяны по отдельным сочинениям и не представлены в виде единой теории. Поэтому возникает необходимость комплексного анализа евразийского наследия и выделения целостной концепции истории и геополитики Евразии.

В евразийстве выделяется множество аспектов. Исторической концепции посвящены работы М. Г. Вандалковской¹, А. В. Антощенко² и других. В качестве ее недостатков М. Г. Вандалковская называет разрыв с традициями русской исторической науки, предвзятую оценку некоторых моментов русской истории, невнимание к достижениям европейской науки. В то же время такие концепты, как актуализация самобытности развития, оценка влияния Востока на Россию и признание роли геополитики в истории народов и государств, оцениваются автором как актуальные.

Попыткой вписать взгляды евразийцев в общий ход развития исторической мысли является работа А. В. Антощенко, который рассматривает идеи Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского в сравнении с взглядами представителей Парижского богословского института. Анализируются две идеологемы: «Руси-Евразии» и «Святой Руси», которые несут на себе определенный геополитический отпечаток. Автором отмечается значительное различие во взглядах между евразийцами.

В исследовании Н. В. Ануфриевой³ анализируется евразийская концепция взаимодействия Руси и монголов и дискуссия вокруг нее. Указывается, что

¹ Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997; *Она же*. Евразийцы и историческая наука // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 2000. С. 302–311; *Она же*. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М., 2009.

² Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории. Петрозаводск, 2003.

³ Ануфриева Н. В. Историческая мысль русского зарубежья 20–30-х гг. XX в. о монгольском владычестве на Руси: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008.

Панченко Алексей Борисович, ассистент Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: alexeypank@rambler.ru

© А. Б. Панченко, 2011

тема монгольского нашествия на Русь стала одной из центральных в исторических исследованиях эмиграции; роль монгольского и татарского элементов в складывании русского этноса была наиболее отчетливо обозначена евразийцами.

Среди исследований, посвященных евразийской геополитике отметим работы Ч. Г. Сангаджиева¹ и В. Л. Цымбурского². Труды В. Ю. Быстрякова, А. М. Матвеевой и А. Н. Полухина посвящены создателю основных геополитических концептов евразийства П. Н. Савицкому³. Авторы обращают особое внимание на понятие «месторазвитие», в которое вкладывается, как правило, только географическая составляющая, что делает его близким по смыслу понятиям «культурный ландшафт» и «вмещающий ландшафт».

В историографии нет обобщающей работы по этноисторической и геополитической концепции евразийства. Исследователи обращают внимание на евразийскую концепцию взаимоотношений Руси и монголов, противостояние Евразии-России и Запада в области геополитики. Практически не проводится параллели между взглядами евразийцев, их предшественников, современников, а также современных исследователей.

Евразийство зародилось в начале 1920-х гг. в Софии. Его основателями стали князь Н. С. Трубецкой (1890–1938), лингвист и этнограф; граф П. П. Сувчинский (1892–1985), публицист и музыкальный и литературный критик; историк Г. В. Флоровский (1893–1979); эконом-географ П. Н. Савицкий (1895–1968), до революции получивший опыт дипломатической работы в Норвегии. Евразийцев интересовали различные аспекты бытия России-Евразии, они стремились к созданию комплексной системы «россиеведения». Поэтому вопросы истории Евразии, ее геополитики были одними из ключевых в дискурсе.

Эти темы начали подниматься участниками движения с 1921 г. После присоединения к евразийству историка России Г. В. Вернадского (1887–1973) и историка права М. В. Шахматова (1888–1943) в 1923 г. евразийцы перешли от общих про-

¹ Сангаджиев Ч. Г. Проблема целостности России в воззрениях эмигрантов-евразийцев (1921–1938 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009.

² Цымбурский В. Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Евразия. Люди и мифы (Сб. статей из журнала «Вестник Евразии»). М., 2003. С. 22–49.

³ Быстряков В. Ю. В поисках Евразии. Общественно-политическая и научная деятельность П. Н. Савицкого в годы эмиграции (1920–1938 гг.). Самара, 2007; Матвеева А. М. Геополитика П. Н. Савицкого: между наукой и идеологией. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/39897.php> (дата обращения 20.09.2009); Она же. «Периодическая система» ритмов новейшей отечественной истории в геополитической концепции П. Н. Савицкого. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/39410.php> (дата обращения 20.09.2009); Она же. Россия-Евразия: геополитика возрождения в условиях Гражданской войны (Из научного наследия П. Н. Савицкого) URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/39740.php> (дата обращения 20.09.2009); Она же. Геополитическая концепция исторического развития России первой трети XX века П. Н. Савицкого: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; Полухин А. Н. Историческая концепция П. Н. Савицкого: теоретико-методологический аспект: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007.

блем истории и геополитики к изучению отдельных аспектов истории Евразии. В разные годы в движении принимали участие историки С. Г. Пушкарев (1888–1984), Н. А. Клепинин (1899–1941), Л. П. Карсавин (1882–1952), П. М. Бицилли (1879–1953), В. Н. Ильин (1891–1974), востоковед В. П. Никитин (1885–1960). Исторические проблемы поднимались также медиком Э. Д. Хара-Даваном (1883–1942).

П. Н. Савицкий еще в начале XX в. развивал темы, связанные с построением модели российского империализма. В статье 1915 г. «Борьба за империю. Империализм в политике и экономике» им было выделено два типа империализма – колониально-экономический, характерный для океанических держав, и континентально-сухопутный. Они отличались типом экономики – в первом случае промышленность сосредоточена в метрополии, во втором – осуществляется децентрализация.

В основу империи, с точки зрения П. Н. Савицкого, положен принцип национальной целостности: «Все представления об империализме и об “империи” исходят из представлений о нации. “Империя” – это многонациональное единство, которое исходит от национального единства и в то же время идейно может ему противопоставляться»¹.

В «Очерках международных отношений», написанных в 1919 г., он выдвинул концепцию «континентальных гарантий» и «океанического равновесия», согласно которой, для мира в Европе необходимо сочетание раздела сфер влияния Германии и России на континенте и сохранение морской мощи Великобритании². В дальнейшем она получила развитие в статье «Континент-океан (Россия и мировой рынок)», опубликованной в первом евразийском сборнике.

Успехи экономики европейских государств объясняются географическим расположением – небольшим расстоянием до морей и океана; дешевизна и скорость морских перевозок является решающим фактором для успешного развития. Чтобы избежать экономического отставания, континентальные государства должны стремиться к созданию союзов, основанных на «континентальном притяжении» и специализации отдельных регионов³. Из этой концепции возникла теория автаркии в экономическом и политическом смысле. Автаркия возможна если области, входящие в такой регион, «спаяны с друг другом не только экономикой, но и историей (“общностью судьбы”), цивилизацией, национальными особенностями и национальным равновесием (чтобы не было белого мастера и черного раба)»⁴.

С 1927 г. исторические и геополитические концепты начинают развиваться в едином ключе. Объектом изучения становится взаимодействие народов на определенной территории в исторической динамике.

¹ Цит. по: *Быстряков В. Ю.* В поисках Евразии. Общественно-политическая и научная деятельность П. Н. Савицкого в годы эмиграции. ... С. 143.

² *Савицкий П. Н.* Очерки международных отношений // Континент Евразия. М., 1997. С. 394–399.

³ *Савицкий П. Н.* Континент-океан (Россия и мировой рынок) // Там же. С. 409.

⁴ *Трубецкой Н. С.* Мысли об автаркии // Наследие Чингисхана. М., 2007. С. 614.

Начало этому положила работа Г. В. Вернадского «Начертание русской истории» (1927), где впервые была осуществлена попытка написания целостной истории Евразии. Основным направлением геополитических исследований становится обоснование необходимости создания общеевразийского государства, которая вытекала из «неустранимой внутренней логики “месторазвития”»¹. Основное внимание начало уделяться Монгольской империи как первому государству, осуществившему эту задачу.

Г. В. Вернадский отмечал: «Вся история Евразии есть последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства. Попытки шли с разных сторон – с востока и запада Евразии. К одной цели клонились усилия скифов, гуннов, хазар, турко-монголов и славяно-русов»². П. Н. Савицкий в 1933 г. констатировал: «В пределах этого мира испокон веков существовала тенденция к культурной и политической унификации. История Евразии в значительной мере есть история этих тенденций. Наличие их весьма характерно отличает историю Евразии от истории Европы и Азии, гораздо более раздробленных в политическом и культурном смысле»³. При отсутствии на территории Евразии единого государства, она неизбежно станет добычей своих соседей. Политическое единство должно стать основой для экономического, которое позволит не зависеть от «океанических» государств.

Евразийская трактовка истории предполагала выделение определенного ритма развития. История Евразии представлялась как взаимодействие «леса» (оседлые народы, славяне) и «степи» (кочевники, туранцы), в котором выделялось пять периодов: до 972 г. – попытки объединения леса и степи; 972–1238 гг. – борьба между ними; 1238–1452 гг. – победа степи; 1452–1696 гг. – победа леса; 1696–1917 гг. – объединение леса и степи⁴. В рамках взаимодействия выделялся еще один ритм – создание единого государства и его распад на систему государств. Было выделено четыре цикла, последний из которых не окончен: 1) Скифская держава, сменившаяся системой государств сарматов и готов; 2) Гуннская империя, пришедшие ей на смену государства аваров, хазар, камских болгар, русских княжеств, печенегов и половцев; 3) Монгольская империя и последовавшие за ней две ступени распада сначала на Золотую Орду, улус Джагатай (Чагатай), Персию и Китай, из которых в дальнейшем выделились Литва, Русь, Казань, киргизы, узбеки и ойраты-монголы; 4) Российская империя и СССР⁵.

При анализе истории Евразии П. Н. Савицким около 1930 г. была выдвинута «периодическая система ритмов», которая связывалась им с борьбой «организационных идей», с одной стороны, и с экономическим развитием – с другой, причем обе эти стороны виделись тесно связанными между собой. Организационная идея – это

¹ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М., 2004. С. 30.

² Там же. С. 31.

³ Савицкий П. Н. Евразийская концепция русской истории // Континент Евразия. С. 125.

⁴ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. С. 39–42.

⁵ Там же. С. 34.

«”модель или прообраз, сочетающий и сопрягающий материальные силы”, это – властная идея, “владающая материей и движущая ее, проникающая в материю и преобразующая ее, чуждая всякого отвлеченного «идеализма»¹. Периодичность определяется «ритмикой в сочетании организуемых элементов»².

Исходя из этого, П. Н. Савицкий в статье «Le plan quinquennale de l'U.R.S.S.» (1931) построил таблицу развития России в конце XIX – начале XX в., согласно которой периоды процветания (1893–1899, 1910–1916 гг.) чередовались с эпохами депрессии (1900–1909, 1917–1926 гг.)³. Экстраполируя полученные выводы на более древнюю историю, в статьях «”Подъем” и “депрессия” в древнерусской истории» (1935) и «Ритмы монгольского века» (1937) он пришел к выводу о схожих тенденциях. Опираясь на данные летописей, он выделил для истории Древней Руси 27 признаков, согласно которым можно говорить о подъеме или депрессии. Из-за недостаточности сведений периоды выделялись приблизительно и имели разную продолжительность, но чередование этих фаз сохранялось, при этом периоды подъема по времени всегда превышали период депрессии⁴. Наиболее подробно был рассмотрен период 1538–1632 гг. (для которого было выделено 86 признаков), в рамках которого десятилетия депрессии (1538–1547, 1571–1581, 1605–1615 гг.) чередовались с семнадцатилетними периодами подъема (1547–1564, 1581–1598, 1615–1632 гг.) и семилетними переходными периодами (1564–1571, 1598–1605 гг.)⁵.

Чередование подъемов и депрессий во многом определяется политической ситуацией в государстве. Заметна тенденция сокращения периодов (от 35 лет для Древней Руси до семи лет для современности) и увеличения срока депрессии относительно подъема. В периодичности возможны отклонения, самым ярким из которых является «вековой подъем Московской Руси» с 1452 по 1538 г. не прерываемый депрессиями⁶.

Причиной исторической динамики выступает смена организационных идей, определяющих политический облик той или иной эпохи. Направление исторического процесса помимо организационной идеи определяет логика месторазвития.

Периодическая система ритмов, как отмечает А. М. Матвеевой, имеет два аспекта: научный и политический. Используя конкретные факты по истории экономики Древней Руси и Московского царства, П. Н. Савицкий рассматривал их как отражение некоторых общеевразийских тенденций, вытекающих из логики развития Евразии как месторазвития. Автор говорит о «цинично-оптимистическом» взгляде П. Н. Савицкого: в качестве фактов, свидетельствующих об экономическом подъеме, избираются проявления цен-

¹ Савицкий П. Н. Евразийство как научный замысел // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 34. Л. 22.

² Цит. по: Серю П. Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. М., 2001. С. 282.

³ Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь»?... С. 175–176.

⁴ Вернадский Г. В. Киевская Русь. Тверь, М., 1999. С. 142–143.

⁵ Савицкий П. Н. Письмо Г. В. Вернадскому от 9 мая 1957 г. // Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб., 2003. С. 221–226.

⁶ Савицкий П. Н. Письмо Г. В. Вернадскому от 17 сентября 1957 г. // Там же. С. 227–231.

трализаторской тенденции, а о депрессии – демократической. Общий вывод звучит так: «"периодическая система" ритмов, основанная в том числе и на научных выводах, "подгонялась" под политические цели евразийского движения, что нивелировало ее научность»¹.

Другой исследователь – А. Н. Полухин – утверждает, что «П. Н. Савицкий, вероятно, в конце 1930-х гг. стоял перед грандиозным прорывом в области изучения отечественной истории»² и что только Вторая мировая война, девять лет лагерей в СССР и жизненные трудности последующего периода помешали одному из лидеров евразийства окончательно сформулировать принципы периодичности и цикличности истории Евразии.

Евразийцы стали одними из первых, кто провозгласил отказ от «славяноцентризма» при изучении истории Руси / России, сместив акцент на историю Евразии как целого. Субъектами истории Евразии являются народы, ее населяющие. Выделялись иранские (скифы, аланы), славянские (восточные славяне) и туранские (в основном финно-угорские и тюрко-монгольские народы) группы. В одной из статей из архива П. Н. Савицкого «Совершенно неправильно считать Россию славянской страной» автор последовательно проводил мысль о неправомочности рассмотрения истории России как страны, принадлежащей к славянскому миру. Причину существующего заблуждения он видел в том, «что сами московские цари и идеологи их власти, для которых наиболее существенной стороной был именно религиозно-этический, а не материальный фундамент Московской монархии, замалчивали монгольство московских государственных традиций и поддерживали официальную версию о Византийском происхождении власти московских царей»³. Вплоть до начала процесса европеизации (в XVIII в.), политика России носила восточный характер, без учета фактора общеславянского единства: «Старая Московская Русь ни о каких "братьях славянах" не думала. Единственные славяне, с которыми практически сталкивались, были поляки, и те были не братья, а естественные враги»⁴. «Славяноцентризм» явился следствием политического заказа, который должен был обосновать экспансию Российской империи в Восточную Европу и на Балканы. В целях научной объективности от него следовало отказаться и перенести акцент на изучение туранских народов Евразии.

Указывая на то, что антропологическая карта Евразии представляет собой непрерывную цепь переходов от одного типа к другому, евразийцы подобным же образом рассматривали этническую карту. Между славянами и тюрко-монголами в качестве промежуточного типа расположились финно-угорские народы.

Взгляды евразийцев на место финно-угров в истории Евразии в ходе развития дискурса претерпели существенные изменения. Если в «Начертании

¹ Матвеева А. М. «Периодическая система» ритмов новейшей отечественной истории.

² Полухин А. Н. Историческая концепция П. Н. Савицкого. С. 28.

³ Совершенно неправильно считать Россию славянской страной (автор не указан) // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 299. Л. 2.

⁴ Там же.

русской истории» они выступали исключительно в роли «этнографического материала», то в работе «Древняя Русь» (1943) Г. В. Вернадский уделил им значительно большее место. Он выделил два региона взаимодействия славян и финно-угров – южный и северный. В северном регионе, где проживали славяне и финские племена, славяне как пришлый элемент сначала испытали серьезное финское влияние. Позже вектор влияния стал диаметрально противоположным. В Южной Руси взаимодействие славян с уграми (в особенности с мадьярами) началось после мадьярского завоевания и было довольно длительным, порядка трехсот лет. Этим обусловлено значительное взаимное влияние, в основном, более многочисленных славян на мадьяр. После столкновения мадьяр со шведами в середине VIII в. они были вытеснены на запад, в район нижнего Днепра. Примерно в начале IX в. они завоевали власть в Киеве, в свою очередь, находясь в вассальной зависимости от хазар¹.

В современной историографии славяно-венгерское взаимодействие оценивается иначе. Не исключая возможности того, что «венгры, находившиеся в подчинении Хазарского каганата, выполняли по его поручению роль сборщиков оброка из славянских племен»², исследователи говорят о том, что «венграм было не до завоеваний русских земель»³. Изгнание их из пределов славянских земель было осуществлено печенегами, роль шведов полностью отрицается. Советский историк М. И. Атрамонов также высказался против гипотезы о мадьярском завоевании Киева, говоря о возможности только редких набегов⁴.

Евразийцы воспринимали финно-угорские народы как некоторую скрепу, соединяющую в единое целое славянские и тюрко-монгольские народы. О какой-либо самостоятельной их истории в пределах Евразии они практически не упоминали. Наибольшее внимание привлекали монгольские и тюркские народы, которые первыми смогли создать общеевразийское государство на основе кочевого быта – Монгольскую империю.

В среде русской эмиграции в 1920-е – 1930-е годы дискуссия о проблемах монгольского владычества на Руси стала частью более широкой темы – обсуждения особенностей исторического пути развития России⁵. Помимо евразийцев в эту дискуссию включились последователи традиционной исторической науки русского зарубежья: Е. Ф. Шмурло (1853–1932) и В. А. Рязановский (1884–1968). Подобно В. О. Ключевскому⁶, С. М. Соловьеву⁷, они не выделяли монгольского периода в русской истории, стремясь доказать незначительность влия-

¹ Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь; М., 1996. С. 240–256.

² Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003. С. 26.

³ Там же. С. 27.

⁴ Атрамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 348.

⁵ Ануфриева Н. В. Историческая мысль Русского Зарубежья 20–30-х гг. XX в. о монгольском владычестве на Руси: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. С. 20–21.

⁶ Ключевский В. О. Курс Русской истории: Лекция 19. URL: <http://bibliotekar.ru/rusKluch/19.htm> (дата обращения 12.03.2008); *Он же*. Курс Русской истории: Лекция 21. URL: <http://bibliotekar.ru/rusKluch/21.htm> дата обращения 12.03.2008).

⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Спб., 1895. Кн. 1. Т. 1–5. С. 801–853.

ния монголов на Русь. Роль монголов сводилась к негативному внешнему фактору, вызвавшему отставание России от Европы.

В. А. Рязановский вел серьезную научную дискуссию с евразийцами, привлекая данные из различных источников, не только русских, но и восточных. В то же время он не пытался согласовать историю среднеазиатских кочевников с историей Руси. Подробно анализируя монгольское право, он не отмечал никакого его влияния на право русских княжеств¹.

Представители дореволюционной школы востоковедения – В. В. Бартольд (1869–1930), Н. И. Веселовский (1848–1918), Б. Я. Владимирцов (1884–1931) неоднократно обращались к истории монголов. Отмечая низкий культурный уровень монголов по сравнению с завоеванными ими народами, В. В. Бартольд в работе «История культурной жизни Туркестана» (1927) указывал, что не монгольское нашествие привело к упадку в покоренных областях. Причиной его названа неудачная попытка создания сильной государственной власти². Н. И. Веселовский в сочинении «Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время» (1916) отметил значительное влияние монголов на историю России. Указывалось, что русские князья принимали участие в ордынских междоусобицах, также как и темники и ханы Золотой Орды – в русских³. Б. Я. Владимирцов в работе «Чингис-хан» (1922), отметив влияние Монгольской империи на культуру и государственное устройство покоренных государств, назвал в качестве причины ее падения несовместимость цивилизации и кочевого быта⁴.

Евразийцы сочетали традиции дореволюционной истории России и востоковедения. Отказываясь от акцента на истории отдельных стран, они обратили особое внимание на влияние кочевников на оседлые народы. Г. В. Вернадский писал: «Роль кочевых народов в культурной истории Евразии и всего Старого Света (то есть, в сущности, до XVIII в. – в истории мировой) была очень значительна... Степная империя, достигавшая сколько-нибудь широких размеров, держала связь с различными, часто отдаленными друг от друга оседлыми народами»⁵. Н. С. Трубецким было отмечено, что «с точки зрения исторической задачи государственного объединения Евразии отсюда [из географических особенностей. – А. П.] вытекает следующий важный факт: всякий народ, овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной части Евразии; народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, так как, господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он тем самым подчинял себе

¹ См.: Рязановский В. А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931.

² Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. 2, Ч. 1. С. 257–258.

³ См.: Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Записки российской академии наук. VIII серия. По отделению исторических наук и филологии. Пг., 1922. Т. 13, № 6.

⁴ Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. Берлин; Петербург; М., 1922. С. 159–160.

⁵ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь, М., 2001. С. 45–46.

и каждую из этих речных систем в ее целом. Итак, объединить всю Евразию могло только государство, овладевшее всей системой степи»¹.

Выступая против сложившегося в науке представления о дикости и отсталости монголов, евразийцы подчеркивали их значительный вклад в создание русского государства. Характеризуя Монгольскую империю, они особое внимание уделяли веротерпимости монголов, благодаря которой на завоеванных землях сохранялись существующие религии. Монголы выступили в качестве щита против Запада, способствовав появлению на месте раздробленных княжеств единого русского государства.

Не отрицая негативных последствий монгольского владычества – разрушения городов, гибели людей, угона ремесленников в Орду, – евразийцы подчеркивали позитивные моменты: включение Руси в систему мирового межкультурного взаимодействия; защита от посягательств со стороны католической Европы; усвоение монгольской военной тактики; формирование системы налогообложения, транспортной и информационной (почтовой) инфраструктуры и т. д. Одним из важнейших изменений, произошедших с Русью за время монгольского сюзеренитета, стало прикрепление всех жителей государства к государевой службе. Это делало Московскую Русь сходной с империей Чингисхана.

Н. С. Трубецкой утверждал: «Важным историческим моментом было не “свержение ига”, не обособление России от власти Орды, а распространение власти Москвы на значительную часть территории, некогда подвластной Орде, другими словами, замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву»².

В вопросе взаимодействия кочевников и оседлого населения евразийцы выступили продолжателями традиции дореволюционной отечественной этноисторики (В. В. Радлов, В. В. Бартольд), согласно которой оно не сводилось исключительно к военным столкновениям, а являлось сложным социокультурным процессом. Эта концепция послужила основой для изменения подхода к кочевым народам в зарубежной и отечественной историографии³. К настоящему времени зарубежная наука признает ведущую роль кочевых обществ в информационном обмене в древний и средневековый период человеческой истории. В отечественной историографии пересмотр устоявшегося мнения об агрессивности и деструктивности кочевников начался только в последнее десятилетие⁴. В то же время некоторые исследователи продолжают расценивать монголов исключительно как разрушителей культуры Руси⁵. Как в отечественной, так и в зарубежной науке практически отсутствуют ссылки на сочинения евразийцев.

¹ Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана // Наследие Чингисхана. С. 296.

² Там же. С. 315.

³ Культин Э. С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. М., 2007; Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., 2006; Уэзерфорд Дж. Чингисхан и рождение современного мира. М., 2006.

⁴ Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. М., 2006.

⁵ Каргалов В. В. Русь и кочевники. М., 2004.

Анализируя взаимоотношения славян и монголов, евразийцы обращались к двум самым ярким личностям – Чингисхану и Александру Невскому, которые воспринимались не столько как личности, сколько как воплощения определенных психологических типов. Им были посвящены отдельные монографии¹, статьи², они упоминались в ряде евразийских сочинений, не посвященных им напрямую³.

Чингисхан рассматривался евразийцами как «типичный представитель туранской расы»⁴, обладающий характерными чертами этого психологического типа. На основании их конструировался портрет «среднего туранца», который потом переносился на всех представителей тюрко-монгольских народов. Основная заслуга Чингисхана заключалась в объединении всех монгольских племен и распространении своей власти на всю Евразию. Он реализовал потенциалы, заложенные в евразийском месторазвитии. Государство, созданное им, считалось евразийцами первой идеократией, основанной на субординации и подчинении верховному правителю, который, в свою очередь, был ответственным перед Небом.

В схожем духе говорилось и об Александре Невском: «Св. Александр вырастает из своего рода... Во всей своей деятельности он является преемником суздальских князей, ни в чем не ломает родовых традиций, лишь преображая их благоуханием своей святости»⁵. Александр – идеальный представитель славянского типа. У него есть антипод – князь Даниил Галицкий. Разницу между ними подчеркнул Г. В. Вернадский: «Александр Невский и Даниил Галицкий олицетворяют собою два исконных культурных типа истории русской, и даже шире того, мировой: тип “западника” и тип “восточника”... Яркими маяками двух мироощущений светят нам образы двух русских князей – Даниила Галицкого и Александра Невского. Наследием блестящих, но не продуманных, подвигов одного было латинское рабство Руси юго-западной. Наследием подвигов другого явилось великое Государство Российское»⁶. Подвигами, позволившими сохранить самобытность, были смирение перед Востоком и борьба с Западом. Александр оценивался как первый представитель нового этноса – русского, сочетающего в себе черты как славян, так и туранцев.

В современной исторической науке личности Чингисхана и Александра Невского неоднократно становились объектами специальных исследований⁷. В отече-

¹ Клепинин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб., 2004; Хара-Даван Э. Д. Чингисхан. Великий завоеватель. М., 2008.

² Вернадский Г. В. Два подвига св. Александра Невского // Гумилев Л. Н. Черная легенда: друзья и недруги Великой степи. М., 2003. С. 492–510.

³ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 480; Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. С. 291–367.

⁴ Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. С. 299.

⁵ Клепинин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. С. 24.

⁶ Вернадский Г. В. Два подвига св. Александра Невского. С. 510.

⁷ Кривошеев Ю. В. Александр Невский и его время: Русь и монголы // Клепинин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. С. 114–204;

ственной литературе преобладает позитивный образ Александра, во многом совпадающий с созданным евразийцами. Личность Чингисхана значительно более освещена в зарубежной историографии. Признавая его жестокость в достижении целей, авторы указывают, что она не была чем-то из ряда вон выходящим в мировой истории того периода. Позитивно оценивается стремление Чингисхана к созданию единого информационного пространства на территории Евразии, его вклад в развитие военного дела. В целом, образы русского князя и монгольского хана, созданные евразийцами, в той или иной мере воспроизводятся в современной историографии.

Евразийские этноисторические и геополитические концепты были тесно переплетены. Геополитика исходила из существования противостояния между океаническими и континентальными государствами, для последних характерна тенденция к созданию крупных объединений. «Неумолимая логика месторазвития» России-Евразии требовала создания единого государства, в строительстве которого в равной мере принимали участие все народы региона: славянские, финно-угорские и тюрко-монгольские. Отказ от «славяноцентризма» позволил евразийцам сделать вывод о непрерывности антропологической и этнографической карты Евразии и неоднозначности взаимоотношений между славянами и туранцами. Развитие государств на территории Евразии подчинено определенной ритмике – создание единого государства / его распад. В рамках «больших циклов» выделялись более мелкие, связанные с экономическим развитием, – подъем / депрессия / переходные периоды. Евразийцами была выдвинута идея рассматривать менталитет народа через его ярчайших представителей, в которых некоторые качества приобретают особо выраженный характер.

Евразийцам были недоступны многие источники по истории России и сопредельных стран, а потому их выводы могли противоречить определенным фактам. Многие положения носили слишком обобщенный характер, что делает их сложными для анализа. В условиях методологического плюрализма некоторые обобщения евразийцев могут использоваться в качестве отправной точки для современных исследователей.

Мэн Д. Чингисхан. М., 2006; *Соколов Р. А.* Александр Невский: панорама новейших мнений // Святой благоверный и великий князь Александр Невский. С. 252–281; *Уэзерфорд Дж.* Чингисхан и рождение современного мира; *Хартог Л.* Чингисхан. Завоеватель мира. М., 2007.